

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.22

УДК 94(571)

ББК 63.3(253)

А.В. ШАЛАК

РОЛЬ ПРИРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПИТАНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.))

На примере Сибири анализируется значение природных продовольственных ресурсов в годы Великой Отечественной войны. К ним отнесены лов рыбы на местных водоемах, заготовка мяса диких животных и водоплавающей дичи, сбор дикорастущей ягоды, заготовка орех. Исследуются основные направления и результаты деятельности местных органов власти в данном направлении. Отмечается, что, несмотря на низкую эффективность созданных промыслов, проблемы с их материальным обеспечением, мобилизация природных ресурсов позволила снизить остроту продовольственной проблемы в регионе, обеспечить воспроизводство рабочей силы, а также физиологическое выживание населения региона.

Методологической основой анализа является историко-геополитический подход. Согласно ему, деятельность органов власти интерпретируется через решение проблемы национальной безопасности. Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности и, соответственно, не может оцениваться только с точки зрения экономической эффективности и себестоимости произведенной продукции.

Источниковая база исследования основана на разрозненных архивных данных, а также отдельных исследованиях данной проблемы регионально-го характера. Имеющиеся в архивах сведения не позволяют провести комплексное и детальное исследование данной проблемы, однако они достаточны, чтобы обозначить основные проблемы и направления деятельности по мобилизации природных ресурсов, направленных на решение продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: продовольственная проблема, война, охота, рыболовство, природные продукты питания.

A. V. SHALAK

THE ROLE OF NATURAL FOOD SOURCES IN EXTREME CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945))

On the example of Siberia, the importance of natural food resources during the Great Patriotic War is analyzed. These include fishing in local reservoirs, har-

vesting of meat of wild animals and waterfowl, collecting wild berries, harvesting nuts. The main directions and results of the activities of local authorities in this direction are investigated. It is noted that, despite the low efficiency of the established fisheries, problems with their material support, the mobilization of natural resources has reduced the severity of the food problem in the region, to ensure the reproduction of labor, as well as the physiological survival of the population of the region.

The methodological basis of the analysis is the historical-geopolitical approach. According to him, the activities of the authorities are interpreted through solving the problem of national security. Food security is the most important component of national security and, accordingly, cannot be evaluated only from the point of view of economic efficiency and the cost of production produced.

The source base of the study is based on scattered archival data, as well as individual studies of this problem of a regional nature. The information available in the archives does not allow for a comprehensive and detailed study of this problem, but they are sufficient to identify the main problems and areas of activity for the mobilization of natural resources aimed at solving the food problem during the Great Patriotic War.

Keywords: food problem, war, hunting, fishing, natural food.

Проблема продовольственной безопасности имеет медицинское социальное, экономическое, геополитическое измерение. От ее решения зависит не только физиологическое существование человека, но и политическая стабильность, суверенитет и безопасность государства. Российская история не раз свидетельствовала, что пренебрежительное отношение в продовольственном обеспечении завершалось трагически для самого государства. Даже в условиях рыночной парадигмы развития сельскохозяйственное производство в ведущих странах давно превратилось в государственную отрасль экономики. Это является самым очевидным свидетельством значения продовольственной проблемы для национальной безопасности.

В настоящее время в руках государства имеется огромный арсенал технических средств, чтобы обеспечить население продовольствием по-медицински обоснованным нормам, регулировать процесс ценообразования и делать продукты питания доступными для всех категорий населения. Не каждая страна имеет благоприятные условия для снабжения населения необходимыми продуктами, которые могут быть детерминированы конкретно-историческими условиями. С этой точки зрения, важное значение имеет исторический опыт по мобилизации естественных природных ресурсов в экстремальных условиях. Особенно это имеет значение для стран с богатой флорой и фауной, что позволяет в определенных условиях активно опираться на естественные источники продовольственных ресурсов с целью поддержания воспроизводства рабочей

силы и выживания населения. Весьма показателен в этом отношении опыт отдельных регионов СССР в годы Великой Отечественной войны.

Проблема продовольственного снабжения населения превратилась в основное звено социально-экономической политики региональных властей Сибири с первых дней войны. Централизованное снабжение было резко ограничено, в связи с оккупацией значительной части территории страны, а также мобилизационными нуждами. При этом потребность в продовольствии резко возросла в связи с эвакуацией на восток страны не только предприятий, но и 17 млн граждан. Население Сибири на 1 января 1941 г. составляло 14 млн 949,8 тыс. чел. При этом городское население Сибири за годы войны выросло на 917 тыс. чел. [1]. Несмотря на то, что часть населения Сибири была мобилизована на фронт (всего за годы войны по Сибирскому и Забайкальскому военным округам было мобилизовано 3 189 тыс. чел.) демографическая нагрузка возросла, а возможности расширения их продовольственного снабжения уменьшились. На гарантированном карточном снабжении находилось только городское население Сибири, но и оно снабжалось по карточкам с перебоями. Выделяемые фонды никогда полностью не отоваривались и во многом были представлены заменителями. В магазинах инвалидов Отечественной войны в Забайкалье даже в послевоенном 1947 г. вместо мяса выдавался яичный порошок, вместо сливочного масла – растительное масло и т.д. [2, с. 298]. При этом, с 1943 г. правительство начинает сокращать контингент карточного снабжения. К началу 1945 г. только 35 % из 120-тысячного населения г. Чита находились на карточном снабжении, остальные получали только хлеб и иногда сахар [3, ф. 17, оп. 122, д. 108, л. 127]. Такая же тенденция отслеживается по Улан-Удэ, Красноярску, Иркутску. При этом одновременно снижался расход продовольственных товаров и по коммерческой торговле. И хотя в основном эта тенденция приобрела выраженный характер по окончании войны, но и в годы войны в силу обозначенных обстоятельств продовольственная проблема была предельно актуальной для основной части населения региона.

В годы войны оформилось два основных варианта решения продовольственной проблемы за счет внутренних ресурсов территорий. Основным каналом дополнительных источников продовольствия стала продукция подсобных хозяйств и огородничества. Иногда встречаются в публикациях негативные оценки их эффективности, указывается на низкие показатели сбора зерновых, картофеля и особенно развития животноводческой отрасли. Однако вряд ли представляется возможным оценивать данную проблему односторонне только с точки зрения экономических критериев, где главным является извлечение прибыли. Решение продовольственной проблемы вообще имеет условное отношение к

данним показателям, тем более в условиях войны, экстремальных ситуациях. Вначале требовалось накормить население, а затем решать вопросы, направленные на повышение эффективности сельскохозяйственного производства. В историко-экономической литературе это направление деятельности органов власти достаточно основательно изучено, в том числе и в региональном разрезе [4].

Вторым важнейшим каналом решения продовольственной проблемы являлась мобилизация естественных природных продуктов: заготовка мяса диких животных, лов рыбы на местных водоемах, сбор дикорастущих. К решению данной проблемы приступили еще в начале 1941 г. 7 января 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О мероприятиях по увеличению производства товаров народного потребления и продовольствия из местного сырья». Это постановление обязывало местные органы власти развивать охотничьи и рыболовные отрасли, организовать на местах заготовку грибов, дикорастущих ягод и лечебных трав [5].

В регионах были разработаны планы, которые предусматривали кратное увеличение заготовки мяса диких животных, рыбы, кедрового ореха, дикорастущих плодов и ягод. Выполнение данных планов было сорвано войной, тем не менее еще до начала войны региональными властями была проделана работа по налаживанию системы управления добычей ресурсов дикой природы, обеспечению охотников и рыболовов необходимым оружием, боеприпасами, рыболовными снастями, транспортными средствами. Это в значительной степени облегчило организацию данной работы уже в условиях военного времени.

Увеличение вылова рыбы и добычи мяса диких животных преследовало цель оперативного возмещения продукции сельскохозяйственного производства, которая ранее поступала с территорий, попавших под оккупацию. При этом, помимо природных продуктов питания, в условиях войны огромное значение приобретал промысел пушнины. Сибирская пушнина шла в счет оплаты поставок по ленд-лизу и закупок необходимых для оборонной промышленности оборудования и материалов за рубежом. Отчасти пушнина использовалась также при пошиве теплой одежды для бойцов армии. Показатели охотничьего промысла в годы войны не могли конкурировать с довоенными. Перед войной экспорт пушнины занимал третье место в списке экспортируемой продукции из страны. Но и в годы роль пушного промысла была огромной, она давала до трети валютной выручки государства. Именно поэтому материальному обеспечению охотничьего промысла уделялось серьезное внимание. Нельзя было допустить сокращение добычи пушнины из-за отсутствия промыслового оружия, поэтому во время Великой Отечественной войны на Тульском оружейном заводе продолжалось производство охотничье-

го оружия. Пушнина давала стране необходимую валюту для того, чтобы расплачиваться с США за поставки вооружения и продовольственных товаров по ленд-лизу.

Заготовка дикорастущих растений преследовала цель пополнить не только продовольственные, но и отчасти лекарственные ресурсы страны.

Деятельность в области изыскания природных продовольственных ресурсов осуществлялась в двух направлениях. С одной стороны, созданные промыслы по заготовке мяса диких животных и особенно лову рыбы превращались в организационно оформленные структуры, до которых доводился план лова, осуществлялось соответствующее снабжение, обеспечивались они трудовыми ресурсами. Управление этим процессом заготовки природных ресурсов осуществлялось директивно, и добытая продукция поступала в централизованные фонды, где и распределялась. Рыболовецкие промыслы перевели при этом на круглогодичный лов. С другой стороны, предприятия и организации также решали для себя данную проблему, занимаясь заготовкой рыбы, мяса и дикоросов для обеспечения продовольствием столовых, где питались работники. Таким образом, наряду с централизованным изыскание природных продовольственных ресурсов, функционировала децентрализованная система заготовки природных продовольственных ресурсов на местах.

С точки зрения организации и внимания со стороны органов власти, наибольшее значение придавалось рыбным промыслам, как более доступному и не требующему специальных навыков. Охотничьи промыслы были более сложными с точки зрения их материального обеспечения, являлись более индивидуализированными, требующими специфических знаний и физической подготовки.

Учитывая реальные возможности рыбного промысла, в январе 1942 г. государство разработало долгосрочную программу ускоренного развития отрасли в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке. 6 января 1942 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока» [6]. Данное постановление требовало организовать лов рыбы на таких реках, как Обь, Иртыш, Лена, Енисей, Селенги, Баргузина и их притоках, о. Байкал, Еравнинских озерах. Сверстанные на 1942 г. новые планы лова рыбы намного превосходили предыдущие. Если за весь 1941 г. в сибирском регионе было выловлено 0,527 млн т рыбы, то в 1942 г. план устанавливал лов рыбы в объеме 1,55 млн т, а в 1943 г. было запланировано довести улов рыбы до 2,5 млн т. В Новосибирске было создано Главное управление рыбной промышленности Сибири и Дальнего Востока (Главсибырпром), которому были подчинены рыбопромышленные тресты, работавшие в краях и областях региона, а в ап-

парате краевых и областных партийных комитетов создавались отделы рыбной промышленности. Рыбопромышленные тресты являлись структурами союзного подчинения и представляли собой самостоятельные хозрасчетные объединения, которые отвечали за весь цикл рыбопромышленного производства – от промысла до сбыта произведенной рыбной продукции. На них возлагалась также ответственность за организационную и техническую помощь колхозному рыболовству.

Только в Красноярском крае, чтобы выполнить столь масштабные планы требовалось организовать 10 новых рыбзаводов, 10 моторно-рыболовных станций, 20 рыбоприемных пунктов, 30 механизированных тоней государственного лова, ввести в эксплуатацию рыбоконсервный завод, 5 копильных цехов и построить крупную судовой верфь в Игарке. В условиях военного времени и крайне ограниченных трудовых ресурсов это была непосильная задача. Организовать лов рыбы в промышленных объемах на местных водоемах было совсем не просто. Требовалось основать производство рыболовецких снастей, обеспечить снабжение промыслов солью и тарой, организовать вывоз заготовленной рыбы. На всем протяжении войны рыболовецкие промыслы испытывали острый дефицит трудовых ресурсов. Специально обученных кадров не имелось. К рыбным промыслам пришлось привлекать коренное население и переселенцев, не имевших навыков в этом деле. Выполнить в таких условиях плановые задания, которые не учитывали данные проблемы, было нереально. Проблема реальности планирования показателей в то время – это отдельная тема, которая требует специального обсуждения. В данном случае планируемые показатели подчеркивают ту особую важность, которую придавали органы власти рыбным промыслам в решении продовольственной проблемы страны. За весь период лова в 1942 г. в Красноярском крае рыбы было заготовлено в три раза меньше плановых заданий (92 047 ц). За все годы войны в крае удалось увеличить вылов рыбы в два раза, а не в семь, как требовало правительственное постановление [7].

Важнейшими направлениями работы созданного Рыбтреста стало обучение рыболовецких кадров, обеспечение рыбаков маломерным флотом и качественными снастями. Для подготовки специалистов рыбного промысла только в Красноярском крае были открыты пять школ фабрично-заводского обучения, которые в 1942 г. окончили 560 человек. Через собственную курсовую систему Рыбтрест подготовил более 20 бригадиров рыболовецких бригад и 39 засольщиков для рыбоприемных пунктов [8, с. 8]. К лову рыбы широко привлекались и сельскохозяйственные артели. В 1943 г. в регионе проведена большая организационная работа по созданию специальных рыболовецких колхозов, которыми и заготавливалась основная масса рыбы. Орудия лова для них поставля-

ли рыбозаводы. К лову рыбы привлекалось, примерно, столько же колхозников, сколько было занято на лове рыбы в рыболовецких артелях.

Затраты на ловлю, засолку и транспортировку рыбы были огромными. В качестве подручных транспортных средств использовались плоты и олени. Но основная проблема заключалась в другом: из-за огромных расстояний, отсутствия холодильного оборудования, соли, оперативного транспортного сопровождения огромное количество заготовленной рыбы приходило в негодность, особенно в летний период, когда и добывалась основная масса рыбы. Поэтому сразу же после освобождения части европейских регионов страны от оккупации плановые задания по вылову рыбы для Сибири снижаются. Значительная часть трудовых ресурсов рыболовецких артелей, особенно из представителей коренного населения была переориентирована на традиционный для них промысел: заготовку пушнины и мяса, а также развитие оленеводства.

Примерно такие же проблемы были свойственны заготовке дикорастущих плодов, ягод и орех, грибов, лесного лука. Наиболее дееспособная часть населения была привлечена в сферу производства. Отвлекали трудовые ресурсы при этом и на различные мобилизационные работы: заготовку леса, дров, на расчистку путей и дорог. Опереться в этой работе можно было только на детей и престарелых.

К сбору дикорастущих в регионе широко привлекались школьники, также из неработающего населения формировались бригады в райцентрах и городах. Только из г. Иркутска в 1942 г. на заготовку дикорастущих плодов и ягод было отправлено 1361 человек, из которых было сформировано 98 бригад [9, ф. 159, оп. 6, д. 340, л. 40]. В целях материального стимулирования заготовителей лесных продуктов предусматривалось ряд мер. В Красноярском крае разрешалось оставлять у себя до 20% собранной продукции, школьники премировались письменными принадлежностями и до пяти процентов собранной продукции выдавалось им на руки [10, ф. 26, оп. 3, д. 323е, л. 34-36; д. 323а, л. 70-71]. В Бурятии сборщики и сдатчики дикорастущих при выполнении плановой нормы обеспечивались нормой хлеба 500 г, орехов – 600 г. При перевыполнении плановой нормы полагалось 50 г хлеба за каждый дополнительно собранный килограмм, а при перевыполнении плана по сбору орехов устанавливалась суточная норма хлеба в 700 г. [11, ф. 663, оп. 1, д. 315, л. 103].

Работа в лесу по сбору дикорастущих требовала не только здоровья, особенно при заготовке ореха, выносу дикорастущих, но и знания местности. Требовалась также для этого специальная тара, совки для сбора ягод. В 1942 г. в Красноярском крае при формировании бригад по заготовке дикорастущих эти особенности постарались учесть. В бригады включали физически крепких людей для выноса дикорастущих, при этом пункты приема дикорастущих старались максимально приблизить

к местам их сбора. Тем не менее выйти на плановые показатели заготовок в крае так и не смогли.

В решении данной проблемы принимали участие и специалисты. Сотрудники НИИ имени Мичурина и Красноярской плодово-ягодной станции совершили ряд экспедиций с целью составления карты местности, в которых лесная ягода плодоносила наиболее обильно. Одновременно они же предложили для сбора ягод совок, с помощью которого можно было заготовить ягод в три с половиной раза больше, чем руками. Сок повышал производительность труда при сборе ягоды более, чем в четыре раза: с помощью совка за час можно было собрать до семи килограммов ягоды, в то время как при ручном сборе – всего 1,6 килограмма [7].

Специалисты немало сделали и для эффективной переработки дикорастущих ягоды, расширения их ассортимента. С сезона 1942 г. кроме традиционной сушки ягод отдельные артели начинают производить варенье, повидло, джемы. Превратить данное направление в эффективно работающие промыслы в годы войны не имелось возможностей. В исторической литературе фиксируются лишь отдельные случаи результативной работы в данном направлении. В частности, в Минусинском районе Красноярского края в артели инвалидов имени 10-й годовщины Октября было налажено производство кедровых сливок для кондитерской промышленности. В колхозе «Объединенный труд» создан цех по производству из лесного растительного сырья разнообразной продукции из лесных ягод. Отходы от них шли на приготовление заменителей чая и кофейных напитков. И хотя этот опыт изучался и предлагался к внедрению в других хозяйствах края, какого-либо повсеместного распространения он не получил. Причины все те же: дефицит сырья для подобного круглогодичного производства, проблемы с кадрами, трудовыми ресурсами, материально-техническим снабжением. В глубинных районах Восточной Сибири, где производилась заготовка и переработка на месте соков дикорастущих плодов и ягод в экстракты, всего было создано 12 таких пунктов [11, ф. 1-п, оп. 1, д. 862, л. 23, 24].

В годы войны удалось найти способ витаминизировать рацион питания. Наибольшие проблемы были связаны с дефицитом витамина С, что сопровождалось появлением болей в суставах и конечностях, кровотечению, выпадению зубов. Острый дефицит витамина С в организме человека или его полное отсутствие вело к развитию цинги, и могло сопровождаться летальным исходом. В качестве его заменителя в период войны в Иркутской области стали широко использовать экстракт из настоя хвой сосны. В Красноярском крае с помощью ученых была разработана технология производства витаминной продукции из дикорастущего сырья (хлебно-хвойный квас). Этот напиток применялся не только в оздоровительных целях, но и при лечении раненных бойцов, находившихся на лечении в госпиталях региона. Часть данной продукции реализовывалась в розничной сети.

Большую роль в Сибирском регионе в решении продовольственной проблемы имели также заготовка мяса диких животных и водоплавающей дичи. После проведения мобилизации на огромном пространстве Сибири количество охотников резко сократилось. Например, за первые два года войны число охотников, работавших с Красноярской краевой конторой «Заготживсырьё», сократилось в 2,5 раза: с 4 400 до 1 742 человек [8, с. 13]. Количество охотников в Иркутской области в сравнении с 1938 г. к 1945 г. сократилось с 12 110 человек до 5 510 [12, с. 179].

Начиная с 1942 г., на многих крупных предприятиях в охотничий сезон формировались специальные бригады. В промысловый сезон 1944-1945 гг. в Красноярском крае смогли привлечь к пушному промыслу более чем 4,3 тыс. охотников, среди которых было 718 учеников охотников и 147 охотников-любителей [8, с. 15]. Деятельность в этой сфере можно разделить на два основных направления. Крупные хозяйственные организации создавали специальные бригады, целью которых являлась заготовка мяса диких животных, которое затем поставлялось в столовые этих же предприятий. Если мясо диких животных заготавливалось в выходные дни, то половина добытого мяса шла в личное пользование членов бригады [9, ф. 127, оп. 1, д. 817, л. 20]. В архивах отложилась только эпизодическая информация, как правило она не сопровождается данными об объемах заготовленного мяса. Поэтому анализировать это направление деятельности можно только по косвенным свидетельствам. Заготовкой мяса диких животных, которое шло в «общий котел», занимались и во многих колхозах. Как правило, снаряжался на промысел тот, кто разбирался в охотничьем ремесле. Привезенное мясо затем распределялось среди колхозников. Особенно большое значение дополнительные источники питания имели во время сельскохозяйственной страды, требовавшей в силу отсутствия техники, огромных физических усилий. Деятельность по заготовке мяса диких животных в колхозах носила полулегальный характер, поэтому нигде не афишировалась. Информация об этом отложилась в основном в воспоминаниях ветеранов колхозного труда военной поры.

Заготовкой мяса занимались в годы войны и специальные бригады, создаваемые органами власти. Как правило, осуществлялась заготовка зимой в тех местах, где высокой была концентрация диких животных. Заготовленное мясо затем поступало в систему централизованного снабжения, и направлялось в основном для продовольственного снабжения воинских частей.

В отличие от организаций и предприятий органы власти концентрировали свое внимание и на заготовке пушнины. Поскольку пушнина являлась источником пополнения валюты, ее заготовке уделялось серьезное внимание. О важности этой проблемы свидетельствует Распоряжение Совнаркома СССР от 5 декабря 1942 г. «О целевом снабжении продоволь-

ственными и промышленными товарами охотников, сдающих пушнину и меховое сырьё государству». В соответствие с ним заготовительные организации создавали огромные фонды для материального стимулирования пушного промысла. Стимулирование имело отношение к тем охотникам, кто перевыполнил сезонные нормы добычи пушнины. Отдельно оно касалось тех, кто сдавал шкурки экспортных видов, а также первосортные шкурки. В частности, при перевыполнении сезонного плана до 150 % нормы отпуска товаров увеличивались на 10 %, до 200 % – на 20 %, если охотник сдавал пушнины более чем в два раза больше плановой, нормы отпуска товаров за сданную пушнину увеличивались на 30 % [13, с. 36-38].

Впоследствии эти нормы были распространены на заготовителей мяса диких животных, а также на тех, кто занимался вывозом заготовленного мяса. Последние получали по 400 гр. муки и 250 гр. зернофуража за тонно-километр [там же, с. 97]. Очень важное значение имели меры, предпринятые по поддержанию материальной базы промыслового охотничьего хозяйства. В случае переселения в отдаленное охотничье хозяйство охотник получал ссуду до шести тыс. руб. с правом погашения ее в течение семи лет, получал право покупать охотничье оружие и боеприпасы на 40 % ниже розничной цены. Штатные охотники обеспечивались боеприпасами, капканами, а за обучение молодых охотников им полагалась доплата. С 1943 г. обеспечению кормами подлежали и охотничьи собаки тех промысловиков, которые заключали договор на весь сезон в пределах установленных норм заготовки пушнины. Эти меры касались и тех любителей охотников, которые заключали договор на сдачу пушнины не менее 75 % от установленного для охотников промысловиков. Суточная норма крупяных кормов для лаек составляла 200 гр. в сутки [там же, с. 99]. Для сравнения, рабочие оборонных заводов по особым спискам нормированного снабжения получали круп и макароны 1,5 кг в месяц.

В целях материального стимулирования заготовителей пушнины в областях региона специальными постановлениями органов власти устанавливались для охотников нормы приобретения товаров и продуктов. Например, в Красноярском крае при сдаче пушнины на 1,5 тыс. можно было приобрести товаров на сумму 926,75 руб., при сдаче на две тыс. руб. сумма приобретаемых товаров повышалась на 300 руб., при сдаче на 2,5 тыс. – на 615 руб., при сдаче пушнины на 3 тыс. руб. – на 920 руб., то есть почти в два раза больше. В последнем случае промысловик мог купить на эти деньги 300 кг муки, 21 кг крупы, 12 кг сахара, 4,5 кг жиров, 2,1 кг чая, 0,6 кг табака [8, с. 14]. Половину сумму от сданной продукции охотник мог потратить на приобретение промышленных товаров, другую половину на приобретение продуктов питания.

Одновременно с этим охотников-промысловиков освобождали на сезон промысла от гужевой повинности, не привлекали к работам в

других отраслях народного хозяйства в рамках мобилизации трудовых ресурсов. Благодаря этому, несмотря на значительное сокращение числа охотников в военный период и на временную оккупацию немецкими фашистами некоторых районов СССР, поставлявших до войны пушнину, заготовки пушнины во время войны по многим основным видам не снизились, а в отдельных случаях (соболь, песец, ондатра и др.) по сравнению с 1940 г. даже повысились. В частности, ондатры в Иркутской области было добыто в 1944 г. в сравнении с 1940 г. в 2,3 раза больше, а добыча соболя за это же время выросла с 0,2 тыс. штук до 1,9 тыс., то есть в 9,5 раз [13, с. 180-181]. Охотники и звероловы Красноярского края за годы войны сдали в фонд государства 5 935 соболей, 11 689 красных лисиц, 94 393 песца и множество другой пушнины [8, с. 18].

В годы войны природные продукты питания играли важную и все возрастающую роль. В Красноярском крае в течение 1941-1943 гг. заготовка мяса диких животных и дикорастущий зелени выросла более, чем в 10 раз. Заготовки мяса домашних животных от собственного хозяйства треста столовых и торговых организаций края составили в 1943 г. 1 896 т [10, ф. 26, оп. 14, д. 608, л. 8, 9, 12]. Таким образом природные продукты продовольствия имели большое значение в чрезвычайных ситуациях, когда из-за засухи получали низкие урожаи в подсобном хозяйстве, или не получали фонды по централизованным поставкам.

Негативные последствия бесконтрольного изъятия природных продовольственных ресурсов имели отношение в основном к лову рыбы, который осуществлялся круглогодично, в том числе и в период нереста. В послевоенный период в местах, где заготовка рыбы в период войны велась наиболее интенсивно, ввели жесткие ограничения на лов рыбы в период нереста. На о. Байкал запретили ловить рыбу даже подсобным хозяйствам детских домов и домов инвалидов и приступили к строительству рыборазводного завода на р. Селенга. Во второй половине 1940-х гг. с восстановлением народного хозяйства страны роль природных ресурсов питания в продовольственном обеспечении населения снизилась.

Список использованной литературы и источников

1. Население // Историческая энциклопедия Сибири. 2009. – URL: http://irkpedia.ru/content/naselenie_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009
2. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940-1950 гг.) / А.В. Шалак. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. – 356 с.
3. Российский государственный архив социально-политической истории.
4. Акименко Г.В. Решение продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) на примере Кемеровской области / Г.В. Акименко // Приоритетные направления развития науки и образования. – Пенза : «Наука и Просвещение», 2018. – С. 202-209. Его же. Индивидуальное и коллективное огородничество в годы Великой отечественной войны (на примере Кемеровской

области) // Дневник науки. – 1919. – № 3. – URL: www.dnevnik-nauki.ru; Дембицкий Н. Расширение огородничества рабочих и служащих в период Великой отечественной войны 1941-1945 годов / Н. Дембицкий, С. Лялькина // Овощеводство и тепличное хозяйство. – 2020. – № 6; Красноженова Е.Е. Дополнительные источники продовольственного обеспечения в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / Е.Е. Красноженова // Историческая наука. – 2012. – Июнь. – Вып. 1, т. 3. – С. 10-13; Кузнецова О.Д. Организация продовольственного снабжения в годы Великой Отечественной войны / О.Д. Кузнецова, М.А. Аверченко // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 3. – С. 52-67; Мамяченков В.Н. Подсобные хозяйства предприятий и организаций Свердловской области: кризис 1945-1953 гг. / В.Н. Мамяченков // Научный диалог. – 2017. – № 8. – С. 272-287; Мезит Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны / Л.Э. Мезит // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2010. – № 2. – С. 29-32; Огородничество в годы Великой Отечественной Войны. – Омск : СОАВН, 2020. – 40 с.; Эмирханов И.А. Роль подсобных хозяйств в решении продовольственной проблемы городского населения в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / И.А. Эмирханов // Инновационная наука. – 2015. – № 11. – С.125-128.

5. О мероприятиях по увеличению производства товаров народного потребления и продовольствия из местного сырья : Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941-1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. — Москва : Политиздат, 1968. – С. 7-14.

6. О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока : Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. // СПС «Гарант»

7. Засыпкин В. Ресурсы природы для дела Победы / В. Засыпкин // НКК – новости, анонсы, события. – 15.08.2020. – URL: <https://gnkk.ru/articles/resursy-prigody-dlya-dela-pobedy/> (дата обращения: 22.01.2022)

8. Гайдин С.Т. Использование ресурсов дикой природы Красноярского края в годы Великой Отечественной войны / С.Т. Гайдин, Г.А. Бурмакина. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2017. – 24 с.

9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.

10. Центр хранения и использования документов новейшей истории Красноярского края. – Ф. 26.

11. Национальный архив республики Бурятия.

12. Зуляр Ю.А. Проблемы организации охотничьего хозяйства в Байкальском регионе в военный и восстановительный периоды / Ю.А. Зуляр // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 4 т. Т. 1 : материалы. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – С. 169-191.

13. Андреев М.Н. Государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства: история и современность / М.Н. Андреев, Н.В. Краев, В.Н. Краева. – Киров : ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова Россельхозакадемии, 2013. – 152 с.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Shalakav@bgu.ru

Author

Alexander V. Shalak – D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, 664003, Irkutsk, 11 Lenin St., e-mail: Shalakav@bgu.ru